

ПРЕДИКТОРЫ ПРОСТРАНСТВА ВЛАСТИ: СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В. В. Фёдоров, М. В. Фёдоров, З. В. Коротаева
Тверской государственный технический университет

Пространство социального бытия рассматривается в статье как «социальная реальность, спроецированная на территорию». Пространственный аспект отношений общества и власти понимается как феномен существования особых пространств власти – контаминации архитектуры, ландшафта и упорядочивающих властных отношений. Показано существование предикторов архитектурно-планировочного решения пространств власти, семантика которых непрерывно дифференцируется, трансформируется и получает новую историческую, культурно-региональную и индивидуально-психологическую окраску.

Ключевые слова: архитектурно-ландшафтная среда, пространство власти, предикторы, семантика.

PREDICTORS OF SPACE POWER: THE SEMANTIC ASPECT

Viktor Fedorov, Mikhail Fedorov, Zinaida Korotaeva
Tver State Technical University

The space of social existence is considered as a “social reality, projected on its territory”. The spatial dimension of relations between society and government is understood as the phenomenon of the existence of special power spaces – contamination of architecture, landscape and regulating power relations. It shows the existence of predictors of the architecture and layout of these spaces of power, the semantics of which is a continuous differentiated, transformed and receives new historical, cultural, regional and individual psychological coloring.

Keywords: architectural environment, space of power, predictors, semantics.

Представление о пространствах социального бытия занимает важное место в жизни индивида и социума. В массовом сознании сложилось понимание этого феномена как совокупности пространств – социальных, властных, хозяйственно-бытовых, правовых, рыночных, экономических и пр. Речь идёт о непрерывно

усложняющейся среде, характеризующейся доминированием утилитарного подхода к ней, интенсивностью взаимодействий, концентрацией активности и пр. При таком подходе «пространство» трактуется, прежде всего, как «социальная реальность, спроецированная на территорию». Анализ социальной действительности сквозь призму пространственных отношений даёт новые возможности изучения отношений общества и власти как особым образом организованных пространств, позволяет раскрыть их структуру и содержание, неочевидные связи и взаимовлияния.

Общество и власть могут рассматриваться как социально-территориальные структуры, возникающие в результате установления связей между пространством социальным (в контексте нашей работы – пространством власти) и архитектурно-ландшафтной средой. Они соприкасаются и взаимопроникают, но одновременно демонстрируют и способность к разобщённости (взаимному неприятию, отталкиванию, дистанцированию). Социальное пространство (пространство социальных связей) – самое широкое понятие, используемое для описания социальной реальности как пространственно-временной структуры. Принято считать [Косолапов 2005 а; Косолапов 2005 б], что:

- 1) на одну и ту же территорию одновременно проецируется множество пространств;
- 2) каждое такое пространство создаёт и упорядочивает устойчивую область социального развития и долговременной деятельности;
- 3) уровень развития общества измеряется, среди прочего, насыщенностью территории различными «проекциями пространств», их внутренней сложностью и характером взаимодействий;
- 4) меняя территорию, социум ещё долго живет по-старому, в привычных «пространствах» (пример последних дней – глобальные миграционные потоки и их социальные последствия).

Пространство власти (как социально-топологический феномен) организовано определённой исторически сложившейся совокупностью властных технологий. Многие закономерности взаимодействия пространств социальных и пространств власти лежат в плоскости социальной психологии и находят своё выражение в организации архитектурно-ландшафтной среды. Наличие обратной связи порождает сложный и трудно прогнозируемый результат восприятия власти (пространства власти как формы её презентации) индивидом и массовым сознанием; причём, результат этот носит исключительно субъективный характер и зависит от большого количества факторов (начиная от социально-экономической ситуации в стране,

заканчивая погодой и сиюминутным настроением субъекта восприятия).

Пространственное видение мира способствует объединению различных форм представления социальной организации с позиций идеологии, экономики, психологии, веры и пр. Социально-пространственные образования (политические, правовые, геополитические, военные, экономические, технологические, этнические, религиозные, информационные, культурные, образовательные и др.) пересекаются, накладываются, взаимодействуют, порождая всё новые и новые формы организации архитектурно-ландшафтной среды. Виртуальные пространства представляют собой самый яркий пример возникновения новых пространств (не только тождественных, но и опережающих формирование новых аспектов социального бытия и возможностей управления их эволюцией).

Итак, обращение к пространственному аспекту отношений общества и власти предполагает *понимание пространства власти как контаминации 1) физического (архитектурно-ландшафтного, географического, предметного) пространства и 2) упорядочивающего его пространства социального, задающего технологическую структуру властных отношений*. Пространство власти не ограничивается городскими площадями и улицами, оно включает и поверхность суши (где власть демонстрирует, например, державную военную мощь), и подземные пространства (метро, шахты, бункеры, подземные убежища, ракетные базы и пр.), и мировой океан (место дислокации атомных субмарин), и воздушное, и космическое пространство.

Тема обращения власти с пространством (структурирования, демонстрации, насилия) достаточно давно является предметом пристального внимания искусства и науки. Всегда и везде власть стремится контролировать всё жизненное пространство людей, создавая условия для формирования новых и совершенствования старых идеологий и технологий власти в расширяемых пределах. В современном обществе практически не существует ойкумены, не имеющей выраженной социальной иерархии (стратификации, социальных дистанций, диспозиции и пр.) в демонстративной или скрытой форме.

Город как пространство социального бытия представляет собой пример: 1) преобразования экономических и культурных различий в пространственное распределение (центр, периферия, пригород); 2) пространственного противопоставления «правого берега левому берегу», соответствующего разделению поля власти [Бурдые 2007, 32]. Социальное деление, материализованное в архитектурно-ланд-

шафтной среде, выступает одновременно: а) как принцип разведения и представления; б) как категория понимания и оценивания. Включение в структуры пространства власти происходит: 1) путём конвертирования статуса индивида или группы в систему знаков, которые социум квалифицирует как подъём или упадок, включение / исключение, приближение / удаление (право на особые места работы, проживания, медицинского обслуживания, нахождения на трибуне, положения относительно вождя во время различных мероприятий и пр.); 2) наделения возможностью пространственного перемещения представителя власти в особых средствах передвижения (больших, чёрных, бронированных, оборудованных проблесковыми маячками и специальными звуковыми сигналами, имеющих особые регистрационные знаки).

Самыми очевидными признаками воплощения власти в архитектурной среде выступают: архитектурный стиль (используемые формы), уровневый аспект (высота над окружением), нахождение в центре поселения, положение относительно красной линии, цвет и фактура стен объекта, символизирующего власть (резиденции, монумента, памятника, трибуны и т. д.). В общем случае социально-пространственная квалификация (почётное место, первенство и т. п.) и топологическая иерархия (верхняя часть / нижняя часть, благородное место / постыдное место, авансцена / кулисы, фасад / задворки, правая сторона / левая сторона и др.) полностью совпадают. Власть утверждается в присвоенном пространстве и осуществляется как символическое насилие над топосом и социумом (может быть и не всеми замечаемое).

С функциональной точки зрения задача власти состоит в реализации целей управления, поэтому феномен власти перманентно присутствует в любом социуме и не может быть сведён только к функции насилия. Прежде всего, власть – это своеобразная система коммуникации между различными её субъектами и объектами, участвующими в системе властных отношений, а не просто достояние одной из сторон. Возникающее коммуникативное влияние выступает, прежде всего, как психологическое воздействие, осуществляемое посредством различных знаковых систем, включая закономерности восприятия и понимания пространственной среды. Говоря о власти (будь это власть церкви, выраженная в торжественном образе собора, или власть светская, заявляющая о себе пышной декорацией фасада дворца и особой организацией архитектурного пространства), мы можем выделить некоторые характерные аспекты её презентации [Фёдоров, Коваль 2009, 178].

1. *Социальный аспект* пространственного проявления власти состоит в постоянном напоминании обществу о своей исключительности. Именно поэтому властные структуры испытывают сильную привязанность к «зданиям с биографией» (дворец, кремль, особняк), уже имеющим своё место в истории и общественном сознании.

2. *Политический аспект* выражается, прежде всего, в центральном положении властных строений в структуре поселения; если возможно – на возвышенности и известном удалении.

3. *Личностный аспект* состоит в «пространственном» уничижении человека и противопоставлении человека и власти.

Собственно, сам процесс формирования городской среды (пространств власти – в особенности) является способом демонстрации права на власть. Обыватель должен чувствовать контраст между повседневной суетой обыденного города и спокойствием, пышным великолепием власти. Попадая в пространство власти, он погружается в мир, который всеми силами стремится подчеркнуть границу между собой и обыденностью. Пространственное превосходство естественным образом «наделяет» правом на власть, то есть возможностью осуществлять свою волю уже без применения силы.

Воздействие предметно-пространственной среды на человека неустранимо, поскольку информация об окружении попадает в подсознание напрямую, как жизненно важная. Даль и близь, верх и низ, свет и тень, препятствие или свобода для движения, а также расстояния, формы, характер поверхностей – всё это считывается, усваивается и оказывает воздействие на психику человека независимо от того, замечает ли он, запоминает ли детали окружения.

Заказчик и архитектор, формирующие архитектурную среду, создают мощный и постоянно действующий инструмент воздействия на психику и, в конечном итоге, на поведение человека. Всегда и везде среда предметно-пространственного окружения: 1) служит средством освоения человеком пространства; 2) выполняет защитную функцию для всех членов общества; 3) является активным средством воздействия человека на окружение, установления его власти над определённой территорией, над пространством и временем; 4) выступает фактором становления индивидуальной психики и массового сознания. Вполне естественно, что властные амбиции многочисленных акторов получают очень разное выражения в архитектурно-ландшафтной среде: грандиозное, монументально-помпезное или более скромное, функциональное, но неустранимо присутствующее в пространствах власти.

Условием прочтения такого архитектурно-ландшафтного текста как пространства власти является оперирование субъекта определённым тезаурусом (очень индивидуальным и подвижным во временном отношении). При этом неизбежен переход от «канонических» значений элементов пространства к «расщеплённым переменным», которые не могут трактоваться однозначно. Но их возможные значения всегда присутствует в смысловом пространстве индивида и социального субъекта [Фёдоров, Давыдов, Левиков 2014]. Прежде всего, речь идет: 1) о *логичности архитектурно-ландшафтного текста* (непротиворечивости структурной организации), 2) о его *связности / целостности* (наличии взаимосвязи в последовательности признаков, обеспечивающих восприятие пространственного текста) и 3) о *доступности* как характерологической черте (возможности извлечь смысл, минуя возможные препятствия на пути информационного потока). Эстетическая, символическая, императивная, эмоциональная, фатическая и металингвистическая функция пространства проявляются конвенционально вследствие использования того или иного кода.

Устойчиво воспроизводимые в течение тысячелетий характеристики городских пространств несут определённое содержание, обусловленное и кодом решения практических задач. В понятиях теории коммуникации принцип функциональности означает, что архитектурное пространство должно «не только делать возможным осуществление соответствующей функции, но должно означать её так очевидно, чтобы осуществление было не только исполнимым, но и желательным» [Эко 2006, 112].

Тогда можно сформулировать некоторые « типовые » черты планировочной организации пространств власти:

- симметрия, наличие выраженной оси, доминирование « классической » формы (прямоугольника в чистом виде или обогащенного включением дуг окружности);
- ансамблевая застройка, синтез архитектуры со скульптурой и монументальным искусством;
- наличие свободного пространства для демонстраций, шествий, митингов.

Можно предположить, что семантика архитектурно-ландшафтного и планировочного воплощения пространств власти задается совокупностью неких предикторов (независимых признаков), которые могут быть объединены в четыре большие группы (*табл. 1, рис. 1*).

Таблица 1

Предикторы пространства власти

Группа предикторов	Индекс	Краткая характеристика независимых признаков пространства власти
I. Пространственное положение структур власти	I.1	В центре поселения, на участке, расположенном, как правило, выше окружающей рядовой застройки
	I.2	В виде изолированной (пространственно, зрительно, функционально, ограниченного доступа и пр.) одноуровневой зоны
	I.3	Геометрически правильная форма участка, ориентированного следуя культурным традициям. Размещение, форма в плане, расположение входов, а также общая ориентация зданий никогда не являются случайными, произвольными или просто утилитарными. Важное условие – регулярный характер застройки
	I.4	Продуманный выбор направления, формы и уровневой природы переходов (процессий) и различных коммуникаций на территории власти
	I.5	Использование архитектурного контекста для усиления однозначности результата восприятия (маскировка под традиционную форму в зависимости от требований места)
II. Архитектурные формы и планировочные решения	II.1	Отказ от неоднозначных и неопределённых решений, порождающих сиюминутный интерес. Использование правильных канонических форм, отвечающих ожиданиям и представлениям масс об устойчивости бытия. Напыщенность и однообразие форм, значения которых однозначно совпадают с их типологическими образами в обыденном языке
	II.2	Повторение черт, свойственных хорошо известным объектам, имеющим безусловную культурно-историческую ценность. Преимущественное использование элементов, свойственных архитектурной классике, барельефов, геральдических композиций, архитектурных ордеров и пр.
	II.3	Метафоричность архитектурно-планировочных решений – перенесение свойств одного объекта на другой по принципу их сходства в отношении причастности к власти
	II.4	Относительное постоянство размеров и пластического оформления различных объектов, принадлежащих комплексу зданий, в котором располагаются властные структуры
	II.5	Возведение избыточно монументальных, масштабных объектов, естественным образом задающих дистанцию допустимого приближения (восприятия, обзора)

III. Свето-цветовое и фактурное решение	III.1	Цвет и фактура фасадных поверхностей выступают как важное средство достижения ансамблевой целостности
	III.2	Полихромия решает композиционные задачи: а) выявления формы; б) членения пространства; в) организации нового центра; г) преодоления формы («камуфляж»); д) искусственного увеличения (уменьшения) расстояний
	III.3	Доминирование как в экстерьерах, так и интерьерах «тёплых», шероховатых фактур (кирпич, штукатурка, бронза, дорогие породы дерева). Ограниченное применение больших остеклённых поверхностей, анодированного алюминия и «чистого» металла и особенно – крупноразмерных зеркальных поверхностей
	III.4	Корректировка (обогащение) архитектурного образа пространства власти путём использования организованного ночного освещения. К «световой архитектуре» относят как специально освещённые объекты, так и световые проекции на объектах или в пространстве. Воспринимаемые как реальные объекты, образы световой архитектуры являют собой широчайшее поле символической интерпретации (в значительной мере программируемой)
IV. Архитектурная символика	IV.1	Постоянное обращение к символизму архитектуры как способу демонстрации преемственности власти – поддержания, фиксирования и трансляции исторического опыта
	IV.2	Использование символики архитектурной формы для обеспечения связности архитектурной ткани пространства власти
	IV.3	Обращение к символике, связанной с глубинными слоями мировоззрения человека, с его подсознательным, побуждающей к действию без осмысления
	IV.4	Оперирование общекультурными архитектурными символами (а не символами экзистенциального или эротического уровня)

Использование подобного рода универсальных кодов пространственного проектирования позволяет на протяжении всей истории человечества переводить информацию в искусственно создаваемую архитектурно-ландшафтную среду и снова декодировать в процессе её восприятия. Всё это вовсе не требовало от их создателей обязательной причастности к высотам человеческого духа, присущим высокоразвитой культуре. Отвлечённо-духовные устремления и представления воплощались чаще всего интуитивно, что, конечно же, не исключало настоящей необходимости знакомства зодчих с мировым опытом.

Рис. 1. Кластер предикторов предметно-материального воплощения феномена власти в архитектурно-ландшафтной среде

Например, трансформация архитектурного комплекса Красной площади в процессе возведения мавзолея Ленина объясняется тем обстоятельством, что архитектор А. Щусев находился в тесных дружеских отношениях с Н. Рерихом, посвятившим символам значительную часть своей жизни [Макаров 1997, 26–30]. Поэтому мавзолей предстаёт не как формально-эстетический эксперимент и не как абстрактная попытка выразить во внешней форме конструктивно-функциональную основу. Сооружение, преисполненное символическим содержанием, воплотило грандиозный опыт мировой культуры в этой сфере. По мнению профессионалов [Рябушин 1982], доминирующая символическая функция здесь диктует не

столько сходство, сколько художественно осмысленный контраст, что и было реализовано в полной мере. Во-первых, мавзолей – единственное сооружение на площади, облицованное полированным камнем. Во-вторых, на контрасте мавзолей решён крупной лаконичной формой в отличие от богатой пластики классической архитектуры, затейливой и многоцветной детализировки Покровского собора и дробного решения других зданий, окружающих площадь. Внешне подчиняясь цветовому решению контекста, А. Щусев поставил мавзолей выше этой цветовой однородности пространства площади с помощью особой тщательности отделки.

Мавзолей В. И. Ленина – ключевой элемент формирующегося столетиями пространства власти в центре Москвы. Он поражает ощущением целостности, монументальности, монолитности. Здесь очень сильно звучит тема мощи власти, а не скорби и подавленности. Блеск фасадных поверхностей, ясно выраженная вертикальная ось и легкая дисимметрия придают образу утверждающий, господствующий характер. Чёткие формы, лишённые даже намёка на плавность, расплывчатость и неопределённость, выражают величайшую организованность и власть не только над пространством, но и временем. Любая власть питает слабость к символическим сооружениям (триумфальным аркам, мавзолеям, мемориальным комплексам, памятникам и пр.), позволяющим в доступной форме выразить действительное или мнимое величие власти и социума, наличие мощных исторических корней, превосходство национального или революционного духа¹.

В синхронно-диахронном отношении семантика пространств власти непрерывно трансформируется и получает всё новую и новую историческую, культурно-региональную и индивидуально-психологическую окраску. Результат восприятия, отвечающий инвариантным представлениям общества, порождает определённый спектр образов, эмоций, значений. И именно предикторы архитектурно-ландшафтного и планировочного решения архитектурной среды определяют характер воплощения в ней феномена власти.

БИБЛИОГРАФИЯ

Бурдьё 2007 – *Бурдьё П.* Социология социального пространства. Санкт-Петербург, 2007.

¹ См.: <http://townevolution.ru/books/item/f00/s00/z0000016/st037.shtml>;
<http://fb.ru/article/61103/stalinskiy-ampir-arhitektura-na-slujbe-u-gosudarstva>;
<http://www.slovosfera.ru/bookreview/stalinarh.html>.

- Косолапов 2005 а – *Косолапов Н. А.* Глобализация: территориально-пространственный аспект // *Мировая экономика и международные отношения.* 2005. № 6. С. 3–13.
- Косолапов 2005 б – *Косолапов Н. А.* Россия: территория в пространствах глобализирующегося мира // *Мировая экономика и международные отношения.* 2005. № 7. С. 3–14.
- Макаров 1997 – *Макаров А. И.* Символика архитектурной формы мавзолея Ленина // *Архетип.* 1997. № 2/4. С. 26–30.
- Рябушин 1982 – *Рябушин А.* Красная площадь. Мавзолей // *Архитектура.* 1982. № 23 (535). С. 2.
- Фёдоров, Коваль 2009 – *Фёдоров В. В., Коваль И. М.* Мифосимволизм архитектуры. Москва, 2009.
- Фёдоров, Давыдов, Левиков 2014 – *Фёдоров В. В., Давыдов В. А., Левиков А. В.* К проблеме установления границ, уровней и языка архитектурного текста // *Пространство и время.* 2014. № 1 (15). С. 102–106.
- Эко 2006 – *Эко У.* Отсутствующая структура / Пер. с ит. В. Резник, А. Погоняйло. Санкт-Петербург, 2006.

Материал поступил в редакцию 01.10.2015